

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

Черный пудель, рыжий кот,
или Свадьба с препятствиями

Елена Михалкова
**Черный пудель, рыжий кот,
или Свадьба с препятствиями**
Серия «Расследования Макара
Илюшина и Сергея Бабкина», книга 17

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/14178585>

Черный пудель, рыжий кот, или Свадьба с препятствиями: АСТ;

Москва; 2015

ISBN 978-5-17-094023-3

Аннотация

<р>Отправляясь на свадьбу в крошечный провинциальный городок, Макар Илюшин и Сергей Бабкин даже не могли представить, что окажутся прямо в миниатюре Хармса. И не наблюдателями, а активными действующими лицами настоящего театра абсурда! Вихрь событий тащит их за собой, подсовывая то ехидную старушку, то толстого рыжего кота, то боксера с нежным сердцем... Попробуй-ка устоять, удержаться и понять – а кто же все-таки убийца? Как назло, головоломка не сходится. Что ж, придется частным сыщикам всерьез браться за дело. И помнить, что, если тебя окружают милые и симпатичные люди,

надо поскорее выяснить, с какой целью они вас окружили. Будет страшно? Смешно? Страшно смешно?</p>

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Елена Михалкова
Черный пудель, рыжий
кот, или Свадьба
с препятствиями

© Михалкова Е., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Глава 1

1

– Я убью кого-нибудь из них. Честное слово, убью!

Галя схватила сигарету и вхолостую чиркнула зажигалкой.

– Лопатой садовой, – предложила Саша.

Подруга судорожно пыталась закурить.

– Может и лопатой!

– Или граблями.

– Инвентаря там – на три бригады землепашцев! Тяпки всякие, лейки, секаторы... О! Секатором!

Галина чиркнула еще дважды – и швырнула барахлящую зажигалку в стену.

– Они меня доведут! Мне уже омлет в горло не лезет!

На тарелке перед ней действительно остывал омлет. Но возможно, флегматично подумала Саша, причина заключалась в том, что Галка сыпанула в него соды вместо соли.

Что, впрочем, тоже неплохо характеризовало ее состояние.

Исаева резко взмахнула ладонью и задела абажур. Тени панически заматались по стенам, жалобно скрипнул провод.

– Чёрт! Чёрт!

– Галь, хватит себя накручивать. – Саша Стриж выпрямилась и остановила маятник раскачивающейся кухонной лампы. – Они хорошие люди...

Если бы сарказмом можно было поджигать, в руках Галины Исаевой истлела бы не только сигарета, но и вся пачка. Да и оmlет бы уже полыхал.

– Меня окружали хорошие люди, медленно сжимая кольцо! – процитировала она.

– Сама залезла в это кольцо.

Галя сникла. Нечего спорить: Стриж права, с какой стороны ни погляди. Залезла, как толстуха в хулахуп. И там застряла.

– Сожрут они меня с потрохами, – тоскливо пробормотала она. – В печку на лопате сунут и заслонкой закроют. Как еще изводили добрых молодцев?

– В баньке парили, – машинально сказала Саша, осматривая ящик в поисках коробок. Где-то он ей попадался... А, вот!

– Пройденный этап. Банька уже была. С сугробом.

– Ты ныряла в сугроб?

Саша кинула коробок, Галка ловко поймала.

– Не ныряла, а нырнула. Один раз. И потом торчала бледными ногами из сугроба, как вареная курица из супа, пока меня не вытащили.

Она чиркнула спичкой об коробок и сломала спичку. Пы-

лающая серная головка упала на скатерть.

«Ну, началось...» – поздравила себя Саша.

Вещи, оказавшись в руках ее подруги, принимались вести себя агрессивно. Чайник судорожно пыхал паром, как престарелый обиженный дракон. Скороводка сбрасывала ручку в ту самую секунду, когда ее вытаскивали с яблочным пирогом из духовки. Шкафы роняли полки, предпочитая стеклянные.

Однажды в юности Саша с Галей забежали в подъезд, и на трех этажах одна за другой приветственно взорвались лампочки. Прошли по первому этажу: дзыньк! Сунулись на второй: бамц! Допрыгали до третьего: хрясь! И везде осколки – только успевай закрывать голову.

Когда Саша добралась до своего четвертого, у нее по загравку бегали мурашки размером с клопа. Она предчувствовала самый большой «хлобысь» в своей жизни. Но на четвертом лампочки попросту не было: выкрутили. Она до сих пор полагала, что неизвестный воришка уберег их от локального катаклизма.

– Можешь представить, как ликовала эта морда? – мрачно спросила Исаева. – Как школьница, на глазах которой директор выпал из окна.

Саша мысленно перебрала семейство Сысоевых, пытаюсь сообразить, о ком идет речь. Образ парящего за окном директора в костюме и съехавших на нос очках мешал сосредоточиться.

– Стриж, спасай! – Галка молитвенно сложила ладони. –
Поезжай со мной!

– Забудь, – коротко отказалась Саша.

– Всего три дня!

– Какая там от меня может быть помощь! Труп закопать?

– Моральная! Сашка, я одна среди них озверею. Они в меня пиками будут тыкать. Как матадоры в быка!

– Ты не одна, – напомнила Саша. – У тебя Олег.

– Мужчины в таких делах понимают не больше, чем медуза в коньяке!

Летающий директор в Сашином воображении сменился крепко выпивающей медузой. Галка еще раз чиркнула спичкой (на этот раз отлетела стенка коробка) и криво усмехнулась:

– Он до сих пор уверен, что для его сестры я чистейшей прелести чистейший образец.

– А на самом деле? – осторожно спросила Саша.

Галя хрипло засмеялась.

– Она мне ледоруб в лоб засадит – глазом не моргнет.

К директору и медузе прибавилась Галка в таком виде, что Саша содрогнулась и поспешно отогнала скверное видение.

Исаевой наконец-то удалось прикурить, и она глубоко затянулась. Острое ее лицо немного расслабилось.

Они дружили с института, Саша Стриженова по прозвищу Стриж и Галина Исаева, которую все звали Галкой. Стриж и Галка, птичий базар, как подшучивали однокурсники. На

третьем курсе Галка решила, что медицина – не ее призвание, бросила постылые галеры и пустилась в свободное плавание. На несколько лет Саша потеряла ее из виду.

За Исаеву она не беспокоилась. Галя никак не должна была пропасть. Еще в институте недоброжелатели прозвали ее бульдогом, намекая на исаевскую энергичность и хватку, а также храбро выпяченную нижнюю челюсть. Легче было отобрать антилопу у долго постившегося крокодила, чем то, во что вцеплялась Галина.

Она была работоголик, сквернослов и «девка буйная», как говорила о ней гардеробщица в институте. Девка буйная в ответ на ходу огрызалась и мчалась дальше по жизни, раздражая врагов неумной энергией. От Галки можно было запитывать лампочки и прикуривать двигатели.

Взбалмошность удивительным образом уживалась в ней с практической сметкой: начав работать, Галя за два года накопила первый взнос и купила в ипотеку квартиру. Жилище это, двухкомнатная хрущевка на Соколе, составляло предмет ее огромной гордости. Транжира Исаева перешла на хлеб и гречку, задушила в себе сибарита и на пять лет превратилась в аскета со сверкающим от голода взглядом. Но по истечении этого срока полностью расплатилась с банком.

В жизнь Саши Стриженовой подруга вновь ворвалась, размахивая фатой.

«Замуж выхожу!»

Надо сказать, в свою квартиру Исаева регулярно приводи-

ла брошенных собак, помоечных кошек и прочих четвероногих бедолаг, обиженных судьбой. Бесприютная эта дрань отъедалась на исаевских харчах, залечивала лапы, глаза и уши, после чего пристраивалась в хорошие руки.

Галя Исаева до слез жалела убогих зверушек.

Только этим Саша могла объяснить ее скоропалительное замужество.

Муж был их бывший однокурсник, тоже выкинутый за борт на третьем курсе: плюгавенький длинноносый и косоглазый юноша невообразимо унылого вида. Ослик Иа-Иа рядом с ним показался бы агентом по продаже оптимизма и безудержной радости.

Ни к какой продуктивной деятельности муж не был способен. Основная функция его, как у персидского кота, заключалась в том, чтобы выразительно раскинуться на диване и лежать целый день, иногда снисходя до обеда.

Поначалу Саша надеялась, что Галя пойдет по накатанному пути, то есть изведет у подобранный блох, приучит к лотку, а затем пристроит в хорошие руки. Но время шло, и стало ясно, что муж прочно обосновался в квартире. «Я по натуре созерцатель», – говорил о себе Арсений. «Ты по натуре кадавр», – хотелось ответить Саше, но она сдерживалась.

Аппетит у Сенечки был отменный. Приготовленную Галей четырехлитровую кастрюлю борща он съедал за двадцать минут, равномерно взмахивая ложкой как лопатой и закапываясь по уши в свекольно-мясную гущу. Саше иногда

хотелось приподнять Сенечку и посмотреть, не торчит ли из него шланг, по которому потребляемый продукт утекает в неведомые дали. Невозможно было поверить, чтобы в одном субтильном человечке помещались такие объемы!

Жену Сенечка жалел. Приговаривал: «Бестолочь ты моя неприкаянная. Пропадешь ведь без меня». Поскольку с работой у Арсения не складывалось, он взял на себя домашние хлопоты, и, надо отдать ему должное, очень старался сделать жене приятное. Например, варил ей кофе. Протирал статуэтку лошади, подаренную Галине его мамой (Исаева подозревала, что подарок был с толстым намеком). Частенько переставлял в шкафу книги.

Галя пахла как упомянутая лошадь и, придя домой, валилась с копыт. Ее встречали чистый голодный Сенечка, натертая до блеска статуэтка и чашечка ароматного напитка.

Однажды в их квартире из унитаза забил гейзер, и содержимое канализации потекло по квартире. Вернувшаяся с работы Исаева обнаружила мужа испуганно ютящимся на табуретке. Напротив него высилась статуэтка лошади – без единой пылинки. «Галочка! – обрадованно вскричал Сенечка, узрев в дверях жену. – А я тебя ждал!»

Исаева приняла решение о разводе так же стремительно, как о браке, и выставила супруга вместе со статуэткой. Сеня цеплялся за косяки и уверял Галину, что она без него пропадет.

– ...Сашка, мне свидетель нужен!

Саша вздрогнула, вырванная из плена воспоминаний. Свидетель? Свидетель *чего*?

– Свидетельница, – поправилась Галя. – Роспись же. В загсе.

– Понесло тебя в шавловский загс...

– Мы договорились, что зарегистрируемся и сразу уедем. Олега семья уломала, черт бы их побрал. Если бы не они, расписались бы тихо в Москве, в рабочем порядке. Но у них же родственники!

Последнее слово Галина произнесла со сложной интонацией. Обычно подобный тон используют матери, запрещая своим отпрыскам притаскивать помоечного котенка домой с мотивировкой «у него же глисты».

– Родственники?

– Ну да. И соседи. И плотник с женой. И все, от соседей до плотника, непременно должны наблюдать, как Олег наденет мне на палец обручальное кольцо. Иначе это неуважение к общественности и плевков в душу. Понимаешь?

– Нет, – честно призналась Саша.

– Вот и я не понимаю. Но у них так положено.

Саша хотела было предложить Исаевой оставить незнакомого ей Олега вместе с его родственниками, плотником и «*положено*». Но взглянула на подругу и отбросила эту безнадёжную затею.

– Сашка, не бросай меня, – проникновенно сказала Галка.

– Три дня! Десятого семейная вечеринка, двенадцатого роспись – и все! Я не имею права сорваться. А они будут меня выводить из себя! О-о, как они будут выводить меня из себя!

– Галина обхватила голову руками. – Там три бабы, и каждая спихнула бы меня с моста, если б только я сдуру села на перила. Это люди, к которым можно поворачиваться только задницей. В спину толкнут, в лицо плюнут.

– Брось! Какой от меня прок?!

– У тебя мозги!

– Не может быть, – усомнилась Саша.

– Золотые! И ведро!

– Ведер не держим, – открестилась Стриж.

– Метафорическое, Стриж! С ледяной водой.

Поливать мою голову и напоминать, что поставлено на кон!

Галя легонько постучалась лбом об скатерть и осталась лежать, зажмурившись. В кухне повисло молчание, пропахшее несоленым омлетом и сигаретным дымом.

– Галь, а Галь... – позвала Саша.

– М-м?

– Он хоть того стоит?

Галка приподняла голову и улыбнулась. Если бы крокодил выпустил антилопу, повязал ей бантик и покровительственно похлопал по заднице, это не произвело бы на Сашу такого впечатления. Так могла бы улыбаться Ассоль, навстречу которой летел корабль с парусами цвета зари. Или Золушка,

перед которой измученный и счастливый принц опустился на колени со второй туфелькой.

«О, господи. Влюбилась, дурында».

– Друга хоть можно с собой взять? – обреченно спросила Саша.

2

– Ты подкаблучник, – сурово сказал Бабкин.

Частный сыщик Макар Илюшин радостно захохотал и повалился на диван.

– Что ты ржешь? – рассердился Сергей. – Налицо деградация твоей гениальной личности. Завтра ты тащишься с ней в эту дыру, а послезавтра решишь бросить дела и осесть в деревне.

– Растить капусту, – непонятно сказал Макар, ухмыляясь во весь рот. – Кстати, почему «ты»?

– Что?

– Почему ты говоришь «завтра ты тащишься с ней»? Мы тащимся, напоминаю.

Бабкин осуждающе шмыгнул.

– А отчего ты вдруг решил составить мне компанию, я что-то подзабыл, – невиннейшим тоном осведомился Илюшин. И поскольку Сергей, насупившись, хранил молчание, щелкнул пальцами: – Ах да! Тебя жена попросила! И ты как суровый мужик, глава семьи и просто человек, чье слово все-

гда является законом для домашних, взял и согласился. Ха-ха! Ха-ха-ха!

Смотреть на издевательски хохочущего Илюшина было выше Сергеевых сил, поэтому он ушел на кухню и осушил там терапевтическую бутылку ледяного пива.

В Шавлов поначалу ехать не хотелось. Но когда одна страстно влюбленная женщина дергает за ниточку, все мироздание начинает танцевать под ее дудку. А уж когда две страстно влюбленных женщины делают это, спасения от их шаманства не найти даже в Марианской впадине.

С Сашей Стриженовой Илюшин познакомился во время расследования последнего дела. Маша, жена Бабкина, отправилась на встречу с бывшими одноклассницами, среди которых была и Стриженова. На этой встрече убили человека. Подозревали в преступлении именно Машу, поэтому сыщикам пришлось вмешаться в официальное расследование.

Илюшин внес в версию следователя кое-какие коррективы, и два дня спустя убийцу нашли. А сам Макар нашел Сашу Стриженову.

Илюшин не придавал женщинам в своей жизни большого значения. Из подобных людей выходят отпетые бабники или стойкие анахореты. Макар не стал ни тем, ни другим. Он легко заводил необременительные связи и так же запросто обрывал их. Заботливый и внимательный ко всем своим подругам, он вводил их этой заботой в заблуждение: им мнилось, что под обычной галантностью скрывается что-то бо-

лее глубокое.

«Бессердечный ты тип», – говорил Бабкин Макару после крушения очередной любовной лодки. Маша однажды назвала его Питером Пэном, вечным юнцом, бегущим от взросления.

«Черт его знает, – размышлял Бабкин, – что-то в этом есть. И выглядит пацаном, и ведет себя как дурак».

Но тут появилась Саша Стриженова, женщина с мальчишеской стрижкой и тревожными глазами. Даже Бабкин, глядя на нее, чувствовал в себе смутный призыв схватиться за фотоаппарат и запечатлеть... увековечить... поймать, вот что! Поймать эту дивную, хрупкую красоту и сберечь, как... Что там веками сохраняется в янтаре?

«Муха, допустим», – с сомнением думал Бабкин, ощущая, что сравнение не из тех, которые стоит произносить вслух.

Последние два месяца Макар совсем ему не нравился. Сергей взирал на напарника с внимательностью опытного доктора и отмечал пугающие признаки. Пациент смеялся невпопад, периодически приставал к его жене со всякими глупостями вроде того, на какой спектакль лучше пойти, а однажды был пойман за изучением сайта питомника британских котят. Котят, Макар!

И вот пожалуйста: подруга Стриженовой вызывает о помощи, и Илюшин, словно героический человек-паук, уже мчит-ся в заволжский Шавлов.

А вместе с ним тащится и сам Бабкин.

– Ты удочки собрал? – крикнул из комнаты Илюшин.

Об удочках он беспокоится, надо же.

– Собрал, собрал.

Накануне Саша Стриж отправилась напрямик к Маше и попросила отпустить Бабкина за компанию с Илюшиным. Женский заговор вскрылся слишком поздно – Сергея обложили со всех сторон.

«Поехали, дружище! – сказал Макар. – Там рыбалка отменная».

«Стерляди привезешь, – размечталась Маша. – Осетров!»

Ну что с ними делать?

Бабкин ворчал, но понемногу скептицизм уступал место приятным ожиданиям. «Раки... Купаться буду, пока перепонки между пальцев не вырастут». Он уже предвкушал, как проводит эти три дня, предоставленный самому себе. Макар с Сашей отбывают повинность на семейных посиделках. А ему достается счастливый билет: блаженное одиночество – чем короче, тем блаженней. Подруга Стрижа пообещала, что в его распоряжении целый дом, покинутый хозяином до осени.

Босиком, босиком по нагретым скрипучим половикам. Девахи за палисадником хохочут звонко. На мосту бабки воблой торгуют и мошкарку гоняют. «Метеоры» белые снуют...

Бабкин удовлетворенно потер руки. Вся эта затея на глазах обретала черты настоящего подарка.

Три тихих, расслабленных дня в самом начале лета – о чем еще можно мечтать!

3

– Шею бы свернуть этой суке, – низким голосом сообщила Рита. – Вот моя голубая мечта.

– Рита!

– Кого она с собой тащит?

– Подругу какую-то, – призналась мать.

Черные глаза Риты Сысоевой блеснули недобрым светом.

– С мужем, – добавила Нина не совсем уверенно.

Рита выругалась в адрес неизвестного мужа так, что мать вспыхнула.

– Язык-то попридержи!

Девушка ожесточенно застучала ножом по разделочной доске. Ошметки вареного яйца полетели во все стороны.

– Чай, не башку ей рубишь, – вполголоса заметила Нина.

– Аккуратнее давай.

Обе женщины замолчали. Ритка взялась чистить яблоки для пирога и тут запоздало сообразила, что мать ничего не говорит просто так. Нет, болтать Нина любила, и для постороннего человека ее стрекот зачастую был лишен смысла. Но свои хорошо знали, что к матери стоит прислушиваться очень внимательно.

«Аккуратнее давай».

Еще пять минут прошло в тишине, нарушаемой лишь постукиванием ножей. Рита обдумывала материнский наказ, и постепенно в голове ее зрел план.

Когда он приобрел явственные очертания, девушка отложила нож в сторону.

– Мам, а мам!

– Чего?

– Тетя Клава ведь не приедет?

– В больнице она, с переломом ноги, – недовольно сказала Нина. Ее сестра Клавдия, бой-баба с бешеным нравом, считалась тяжелой артиллерией в предстоящем сражении. «Додумалась тоже – конечности летом ломать! – ругалась про себя старшая Сысоева. – Ни на кого положиться нельзя».

– Можно я тогда Криську приглашу?

Нина уставилась круглыми птичьими глазами на дочь:

– Курятину, что ли?

– Мне скучно без нее будет! – вдохновенно соврала Рита.
– А она веселая.

– Для веселья у нас Елизавета Архиповна приедет, – мрачно возразила Нина. – Ухихикаешься.

– Баба Лиза? – ахнули от дверей.

Мать и дочь обернулись.

Григорий, брат Нины, застыл в дверях с выражением ужаса на опухшем лице.

– Дядь Гриш, ты чего?

Григорий встряхнулся. Твердым шагом прошел к холо-

дильнику, достал запотевшую бутылку.

– Отметим, дамы!

– С утра начинаешь? – вознегодовала Нина.

Хрустальная стопка победоносно сверкнула в солнечном луче.

– В рамках борьбы с несовершенством этого мира, – осадил ее брат, закусывая петрушкой. – Зачем старуху позвала?

– Не звала я, сама она напросилась. Скучно ей.

Григорий некоторое время без выражения смотрел на сестру, а затем, ни слова не говоря, налил вторую порцию.

– Гриша!

Но было поздно. Со словами «за влюбленных» тот опрокинул стопку и жадно прижал к носу пучок укропа.

– Ну, Григорий...

В обширном семействе Нины годами царил матриархат. Все жизненно важные решения принимались многочисленными елизаветами, тетятанями и клавдиями. На откуп мужчинам отдавались мировая политика и футбол.

Тридцать лет назад юная Нина Лобанова, прогуливаясь по вокзалу, заметила у киоска с прессой тощего ушастого лейтенанта и немедленно забрила его в мужья. Родня удивлялась и крутила пальцем у виска. Но в голове Нины зрели амбициозные планы. В мечтах видела она, как ее раздобревшему лейтенанту нашивают генеральские погоны, как чеканит он шаг в новеньком мундире, а сама она выступает рядом генеральшей в норковом манто.

Отчего-то именно манто ярче всего сияло перед Ниной, и манило, и нашептывало нежные глупости.

Однако в спонтанно родившемся плане таилась червоточина. Зловредного червяка воплощал сам без пяти минут генерал, Петр Сысоев, для домашних – Петруша.

Петруша был человеком смирным, покладистым и лишенным инициативной жилки в той же степени, насколько лишена ее тля, безропотно позволяющая доить себя муравьям. Вершины устремлений у лейтенанта Сысоева попросту не было: его желания представляли собой ровное плато. «Быть сытым и в тепле – что еще нужно человеку? – рассуждал Петруша. – Ну еще чтоб жена добрая и детки».

Нина попыталась укоренить в муже стремление к лучшей жизни. С тем же успехом можно было прививать ветку сакуры к арбузу. Тогда Нина сама выступила в роли главнокомандующего и отдала Петру приказ стремиться ввысь. Сысоев с тоской посмотрел в небеса и зажмурился. Нина раздала родне духовые инструменты и закатила скандал с увертюрой и ораторией. Сысоев упал на спину и притворилсядохлым.

Нина испробовала все. Но стало ясно, что рожденный ползать ни летать, ни бежать, ни кувыркаться не станет.

Нина надеялась, что ее Петр – камень. А оказалось, что в кулаке у нее зажата горсть щебенки.

К чести Лобановой следует сказать, что она могла задушить мужа мутоновой шубой, так и не переродившейся в норковое манто, однако не сделала этого. Когда их семейную

лодку после всех водопадов вынесло в спокойное русло, роли распределились так: на носу сидела Нина, указывала, куда грести, и сама же махала веслами. А Петруша лежал в лодке, улыбаясь, и целиком полагался на волю провидения и жены (причем жене доверял больше).

Расстановка эта имела для семейства Лобановых неожиданные последствия. Брат Нины Гриша внезапно начал крепко выпивать. Родственницы пытались излечить его от пагубного пристрастия, но Лобанов-младший был непоколебим. «Я на Петьку посмотрел, – отвечал он на все увещевания, – и осознал, что жизнь моя была полна ложных ценностей. Идите к черту, бабьё!»

Получив твердый отпор от мужского представителя своего клана, женщины растерялись. «Хочу пить – и пью! – орал Григорий. – Обретаю свободу!»

С алкоголизмом сталкивались и прежде. Но впервые он был возведен в ранг политической программы.

«Пить или не пить? – провозглашал Григорий. – Что за вопрос!»

И пил.

Его даже стали уважать. Он сломал невидимую ограду. Вырвался из сыromятных пут женского владычества. Удрал с пастбища в дикие прерии. До него подобное удалось лишь деду Пахому, впавшему к старости в маразм. На эту территорию женщинам прохода не было.

– Значит, Елизавета явится! – Григорий нервно хохотнул.

– Веселый семейный вечерок намечается! *Этих-то* сколько будет?

– Трое, – сухо ответила Нина.

– Первая – невестушка. А остальные? Папаша с маменькой?

– Родители у нее за границей. Подругу везет с мужем.

Григорий подкрутил ус и крикнул.

– Мужа – это она зря. Муж нам тут не нужен. Мы и сами справимся. Верно, бабоньки мои?

«Бабоньки» переглянулись. Очень уж странный тон был у Григория.

– С чем справимся, дядь Гриш? – осторожно спросила Рита.

– Ну как же... Встретить дорогих гостей, накормить, с родней познакомить.

Нина расслабилась. На какую-то секунду ей показалось, что брат лишь прикидывается ничего не понимающим. Нет, слава богу, и в самом деле не понимает. Мужчины – слепцы!

– Ритк, а Ритк, – позвал Григорий.

– М-м?

– А скажи-ка мне...

– Что, дядя Гриша?

– Ты веревочку уже приготовила?

Рита подняла на него недоумевающие глаза.

– Какую веревочку?

– А задушить эту красотку?

Вот тебе и раз, подумала Нина. Вот тебе и слепец.

Она быстро обернулась к двери – не подслушивает ли кто.

– С ума сошел! Что несешь-то?

– Не задушить? – удивился Григорий. – Топориком тюк-нуть?

– Гриша!

– Молчу-молчу! – Он приложил палец к губам и сделал большие глаза. – Могила!

Рита вздрогнула.

– Я – могила! – захохотал ее дядюшка. – А ты что подумала?

Нина отложила разделочный нож и вытерла руки полотенцем. Григорий, почувствовав неладное, мигом подобрался и отступил на шаг.

– Гриш, давай-ка начистоту. Никто из нас этой свадьбе не радуется. И Олежку нам жалко – слов нет! Мы бы ему здесь хорошую девушку нашли. Но раз уж он решил жениться, мы мешать не будем. Правда, Рит?

Взгляд ее настойчиво требовал ответа, и Рита подчинилась.

– Правда, – мрачно ответила она.

– Вот и ладушки, – заворковала Нина Борисовна, из капитана корабля, готового вешать на реях, немедленно превращаясь в милую простушку. – А ты, Гриш, учти: девочка там непростая, московская.

– Стерва! – быстро вставила Рита.

Мать сделала вид, что не услышала.

– Так что в грязь лицом нам ударить нельзя, – продолжала она. – Нас за деревенщину держат. Думают, мы станем на гармошке играть и напиваться как свиньи...

– Что, не станем? – изумился Григорий.

Нина пригвоздила его взглядом к холодильнику.

– Только попробуй. Достаточно с нас Елизаветы. Один черт знает, что она выкинет! Но с Архиповны спрос небольшой, ей восемьдесят семь. Ежели что, соврём, что заговаривается старушка.

Григорий всем лицом выразил сомнение в успехе этой лжи.

– Соврём! – твердо повторила Нина. – А вот с тобой дело хуже. У тебя челюсть вставную не отберешь и на маразм твою ахинею не спишешь.

– Что это сразу ахинею!

– Так что уж будь ласков, води себя прилично. И жену свою дурой неставляй.

– Она и без меня справится, – буркнул Григорий.

Нина вздохнула. Что верно, то верно.

Она взглянула на часы. Почти десять утра, а они еще только овощи порезали. За окном собирались облака, и женщина нахмурилась.

– Дождь к вечеру пойдет. Надо бы в саду навес приготовить, Гриш.

– Дома не поместимся?

Нина молча начала загибать пальцы. Их четверо: она, Петья, Ритка и сам Олег. Григорий с женой. Старуха Архиповна.

– Пахома-то подвезут? – подсказал брат.

– Куда без него...

Значит, восемь. И двое мальчишек, правнуки Архиповны, которых ей сбагрили родственники на лето. Ну да они не в счет.

Плюс трое гостей. Одиннадцать.

Нет, не разместиться им в доме.

– Готовь навес, – распорядилась она. – Рит, а ты укрась его. Чтоб никто не смел сказать, что не по-человечески гостей встретили.

Дочь и брат кивнули.

– Так я Кристину приглашаю? – напомнила Рита.

Ах, Кристину!

Нина Борисовна усмехнулась, и была эта улыбка многозначительна, как у Моны Лизы.

– Ну приглашай...

– И Валеру, – поспешно добавила девушка. – Я, собственно, уже...

Григорий поперхнулся огурцом. Мать уронила ложку в салат, и улыбка сползла с ее лица.

Глава 2

1

Это просто семейный ужин, объяснила Галка. Ужин с торжественными речами – и не более. Вот такая у них традиция. Соберется человек десять, от самого старого патриарха до голопузой мелочи, все напьются, станут задавать дурацкие вопросы, а потом хором объявят, что отдают своего Олега в зубастую пасть, то есть, извините, в любящие руки Галины Исаевой.

«А зачем это нужно?» – с любопытством спросил Макар. Галя тяжело вздохнула.

Традиция, повторила она. Низачем. У них так заведено.

«Кем заведено?» – снова спросил Илюшин.

Саша уже начала подумывать о том, чтобы задвинуть его куда-нибудь в угол подальше. Но неожиданно оказалось, что у Исаевой есть ответ.

А дедом их, Пахомом Федоровичем, сказала она. Это он придумал, чтобы накануне свадьбы семья невесты выпивала вместе с семьей жениха.

– Алкаш? – понимающе кивнул Бабкин.

Таких подробностей Галка не знала. Но с тех самых поси-

делок и пошла традиция.

– То есть мы едем не на смотрины, – уточнила Саша.

– Смотрины у нас были последние четыре месяца. А это что-то вроде последнего рубежа. Если все пройдет нормально, мы с Олегом будем жить долго и счастливо.

– А если нет? – спросил Макар.

Не успела Саша пнуть его под столиком, как Бабкин пробасил:

– Тогда мало и трагично.

Ну и кого из них пинать?

За окном поезда проносились размазанные перелески, летели вверх-вниз провода. На полке дребезжали удочки.

– Все будет хорошо, – твердо сказала Галя. – Что бы они мне ни говорили, я не сорвусь, ясно? Вы мне не позволите!

Проводница принесла чай с сахаром.

– Галя, почему вы их так не любите? – спросил Макар, хрустя рафинадом.

– Потому что это Шавлов, – сердито сказала Галка. – Не в территориальном смысле, а в человеческом. И все, что не Шавлов, они по умолчанию считают неправильным. Вот, например, еда...

– А что еда? – оживился Бабкин.

– Еда должна быть нажористая! Это у них лучшая похвала блюду. Раз нажористо, значит, вкусно. Столько, сколько они съедают за обедом, я за три дня не слопаю. И все под майонезом! А если ты не ешь, значит, враг народа.

– Это все от бедности идет, – мягко сказал Макар. – Привыкли наедаться простыми и дешевыми продуктами.

Галка вспыхнула.

– А еще если ты с ними не пьешь, то ты их не уважаешь. Пофиг, что у тебя непереносимость алкоголя – пей, раз хочешь влиться в нашу семью! – Она повысила голос. – А еще девушке не надо стричь волосы, если она хочет понравиться парню!

Бабкин покосился на короткие перья, беспорядочно торчащие из Галиной головы. Выкрашенная синим прядь упала на лоб, придавая ей сходство с сердитым дикарем.

– Это у них критерий такой – понравится парню или нет! – чеканила разъяренная Галка. – Плевать, что ты сама об этом думаешь! Начхать, что у тебя даже парня нет! Все равно девушка должна в первую очередь сверять свои поступки с воображаемой мошонкой!

– Галка!

– Что, Стриж? Это правда! Они бестактные, они во все лезут! Спрашивают, когда мы заведем детей. Нет, не детей – деток!

Она передразнила чей-то слащавый голос:

– «А когда же детки?»

– О продолжении рода заботятся, – быстро вставил Сергей.

– Они говорят, что я дура, раз в грязной Москве живу!

– Об экологии думают!

– Считают, что деньги на путешествия выкидывают только кретины! Нормальный человек не будет по миру шараться и еще платить за это!

– Певцы родного края!

– И еще они слушают Черемошню! – выложила Галка последний козырь.

– Не слушают, а едят, – поправила Саша. – И не черемошню, а черемшу.

Горький смех был ей ответом.

– Черемошню, Стриж!

– Что это?

– Черемошня – река такая. А еще певица, которая взяла в честь нее псевдоним. Завывает о бабьей доле хриплым голосом. Эдакая задушевность пьянчуг и женщин трудной судьбы. Зал рыдает, размазывает сопли, курит и кается в грехах. А я джаз слушаю, вы понимаете? Джаз!

Галка перевела дыхание.

– Они снобы. Ужасные.

– Кто еще из вас сноб, – усмехнулась Саша.

– Стриж, ты не понимаешь. Есть снобизм богатых – он у всех на слуху, всем очевиден и понятен. Но есть и снобизм бедных. Плохо скрываемое презрение к тем, кто тратит деньги неправильно. Однажды сестра Олега спросила, сколько стоит моя куртка. А я возьми да скажи правду. Ты бы видела ее лицо! Она не назвала меня душой лишь потому, что рядом стоял Олег. Но потом все-таки не выдержала: я бы,

говорит, на эти деньги десять курток купила.

– Ты промолчала, надеюсь? – без всякой надежды спросила Саша.

Галка пожала плечами:

– Я сказала, что это было бы десять дерьмовых курток. А у меня одна, но качественная.

Бабкин скептически крикнул. Теперь стало ясно, зачем невеста на обычный ужин с родственниками жениха подтянула силы моральной поддержки.

– Есть хорошее правило, – сказала Галка. – Не надо рассказывать, сколько ты зарабатываешь, во что веришь и с кем спишь. А они обо всем хотят знать. Считают, что имеют на это полное право! И мне за них замуж выходить, – подытожила она.

Некоторое время ехали молча под перестук колес. Наконец Илюшин озвучил вопрос, который вертелся у всех на языке:

– А как же вы, просите за бестактность, ухитрились выдать мужа из такой семьи?

Галка вдруг улыбнулась. Саша уже наблюдала этот номер, а вот Макар с Бабкиным выглядели искренне изумленными. Особенно впечатлился Сергей. До улыбки он видел перед собой лишь тощую остроносую девицу с зашкаливающим уровнем тревожности. Джинсы куцые до щиколоток, рваные кеды и сверху растянутая футболка. «Невеста! Ха!» Ногти обгрызены, как у подростка, и нервно курит каждые пять

минут. Из разговора с ней Бабкин узнал, что прежде она работала менеджером по продаже сигарет, а потом устроилась в крупное издательство. «Втюхиваю народу писателей, – сообщила ему Галина. – А до этого втюхивала курево. Принципиального отличия никакого, разве что от сигарет вреда меньше».

Как эта энергичная девица решилась выйти за глубокого провинциала? А главное – зачем?

– Он потрясающий! – вздохнула Галка. – Вы его увидите и сами все поймете.

«Ну-ну», – подумал Макар, но вслух ничего не сказал, потому что поймал взгляд Саши.

«Ну-ну», – подумал Бабкин, но промолчал, потому что грыз рафинад.

«О, господи, – подумала Саша. – Вот что мы ввязались?»

2

Что ужин покатится вовсе не по намеченным светским рельсам, стало ясно, едва слово взяла бабушка. Елизавета Архиповна нацепила на нос очки, изучила Галку и обернулась к матери жениха.

– А что, нормальные девки-то все закончились? – сокрушенно проскрипела она.

«Ах ты ж старая ты гримза!» – ахнула Саша.

А ведь начиналось хорошо! Хорош был огромный яблоневый сад, на который понемногу опускались сумерки, и безалаберный, но уютный дом с кучей комнат. И собаки брехали вдалеке по-деревенски беззлобно, и чубушник пах изо всех сил, притворяясь жасмином, и над длинным столом, уставленным тарелками, вились почти что свои, домашние мухи. Под ногами гулял пушистый рыжий кот по имени Берендей, деликатно помякивая, когда кто-нибудь задевал его хвост.

Елизавета Архиповна перевела взгляд на внучатого племянника и развила свою мысль:

– Олежка, конечно, даром никому не сдался. Но с мужиками-то сейчас, я слышала, напряженка! Всяких берут. – Она пошамкала губами. – Даже и таких.

Мать Олега поменялась в лице. Рядом с Сашей, откинувшись назад на стуле, беззвучно захохотал Макар.

Он-то сразу предсказал, что их ждет.

Во-первых, одновременно с родителями жениха на встречу Галке, Саше и Илюшину выплыла на крыльцо деваха ослепительной красоты. «Из чего только сделаны девочки», – пелось в детской песне. С девахой все было ясно: ее сотворили из каблуков, бюстгальтера пуш-ап, банановой жвачки и красной помады. Ноги у девахи были такие, что Саша сразу запуталась взглядом в этих загорелых ногах, заблудилась безнадежно и думала, что уже не выберется. Но тут прекрасное видение улыбнулось, и путеводным лучом сверкнули белоснежные зубы.

Рядом с Сашей Галка что-то прошипела.

– Познакомьтесь, мои милые, познакомьтесь! – захопотала полногрудая женщина в мешковатом желтом платье. – Это Кристина, подруга нашей Риточки.

– И Олега! – грудным голосом сказала Кристина. Протолкнула пузырь жвачки язычком между алых губок, надула его, лопнула и втянула в себя. А затем интимно улыбнулась Илюшину.

Саша Стриженова взяла своими длинными медицинскими пальцами эту дрянь за горло и била головой о ступеньки крыльца до тех пор, пока та не подавилась жвачкой и не умерла.

На самом деле Саша Стриженова улыбнулась в ответ и взяла Макара Илюшина под локоть. Красавица перевела на нее недоуменные глаза и взмахнула ресницами. «Ты кто вообще такая?» – просемафорили ресницы.

Саша размолота ее взглядом в труху.

«Женщина я евойная».

– Здравсьте, – процедила Кристина. Что следовало понимать как вызов и приглашение к боям без правил.

– Здравствуйте! – приветливо отозвалась Стриж. – Рада познакомиться!

В переводе это означало, что любая деревенская сволочь, которая покусится на вот этого сероглазого, будет оттаскана за белокурые волосы и бита лопатой до тех пор, пока не помнеет и не научится различать свое и чужое.

Макар Илюшин, вокруг которого развернулись кровопролитные баталии длиной в полторы секунды, ничего не заметил.

Во-вторых, хозяйка привела Сашу и Макара в дом знакомиться с патриархом.

– Пахом Федорович, – с гордостью представила она. – Брат моего дедушки. Старшего. Покойный.

В глубине дома что-то хлопнуло, запахло горелым мясом, и полногрудая женщина бросилась прочь из комнаты.

Макар и Саша остались наедине с дедушкой.

Пахом Федорович восседал в инвалидной коляске и строго смотрел перед собой. Восковые руки были сложены на коленях. Синевато-зеленая щетина на подбородке подозрительно смахивала на мох. Морщины выглядели как насечки на заплесневевшем батоне. На вид ему было около трехсот лет.

– Это же чучело! – вполголоса сказал Макар с плохо скрытым восхищением.

– Я сейчас убью тебя, – процедила Саша. – Замолчи немедленно.

– Хозяйка сама сказала: покойный.

– Она имела в виду – старший брат покойного дедушки. Просто оговорилась.

– Ничего подобного. – Макар, к ужасу Саши, присел на корточки перед патриархом. – У нее был старший дедушка. А это его покойный брат.

– Макар!

– Они его вынимают из шкафа по праздникам.

– Макар!

– И пыль метелочкой отряхивают.

– МАКАР!

Он тяжело вздохнул:

– Пахом Федорович, здравствуйте!

Старец не шелохнулся. «Не мигает», – пронеслось в голове у Саши.

– Как ваше здоровье, Пахом Федорович? – продолжал непринужденную беседу Макар. – Мы к вам в гости на свадьбу приехали.

Саша зажмурилась.

Молчание собеседника заткнуть Илюшина не могло.

– Погоды стоят прекрасные, не правда ли, – невозмутимо продолжал он. – Нам очень понравился ваш город.

Илюшин осторожно потряс руку Пахома Федоровича и обернулся к Саше.

– Холодная! – восторженным шепотом сообщил он.

С Саши было достаточно.

– Пошли!

– Мы еще политическую обстановку не обсудили!

Она без лишних слов тряхнула Макара за плечо.

– Невоспитанная ты женщина, – сказал Илюшин, поднимаясь. – Прервала нашу беседу на самом интересном месте.

Саша попятилась к выходу. И тут патриарх ожил.

– Едрить-колотить! – гаркнул он. – В строй, сукины дети!

Саша выскочила в коридор как ошпаренная, а за ней выскочил Макар, сложившийся пополам от хохота.

Из соседней комнаты выплыла крошечная, прямо-таки карманная старушка, вида чрезвычайно чинного и благонаправного. Старушка вытащила из кармашка накрахмаленный платок и громогласно высморкалась. Прищуренные голубые глазки обшарили Илюшина и Сашу с ног до головы.

– Всех на дезинфекцию! – вынесла старушка свой вердикт и удалилась.

Вот тут-то Макар и сказал, что будет весело.

3

Дождь так и не собрался. Стол выставили из-под навеса в сад и торжественно расселись вокруг. Навес пестрел искусственными цветами, которые притащила Криська: у нее мать мастерила их с пулеметной скоростью, а потом продавала на венки.

Ох и лицо стало у невесты, когда она увидела этот погребальный цветник. Скукожилась вся, как потасканный ботинок. Рита испытала короткий приступ удовлетворения. Но Галка ничего не сказала, личико расправила и улыбочку нацепила: мол, очень мило.

Так и чесались кулаки врезать ей. Зря, что ли, Рита в секцию бокса ходит третий год! Тренер ее хвалит, а Валерка

прямо расцветает весь, когда видит ее в перчатках.

Но как врежешь, когда Олег сидит рядом и таращится на свою Галку влюбленными глазами. Баран несчастный!

У Ритки стиснуло сердце. Брата она обожала. Он ее всему учил: узлы морские вязать, с тарзанкой прыгать, наживку на удочку цеплять, нырять, драться... К родителям она относилась снисходительно, особенно к отцу. Но Олег – Олег был существом высшего порядка. Брат с большой буквы, который всегда заступится, придет на помощь, утешит, поможет.

И вот явилась бессовестная воровка, глянула на ее Олега, захотела себе такого – и увозит с собой в Москву. Вся жизнь рушилась у Ритки, весь привычный уклад катился в тартарары. Она ненавидела Галку даже за то, что в глубине души колыхалось глухое презрение к поглупевшему брату. Чувство это мучило Ритку, она и рада была бы не испытывать его, но не могла, и в этом тоже была виновата приезжая девица.

Дрянь. Бессердечная, насмешливая, богатая, плюющая на них. Олег для нее – экзотическая обезьянка, развлечение на пару лет. Ежу ясно, что не уживутся они вместе.

Рита привыкла к тому, что ее уважают. Сильная, красивая, боксом занимается, да еще и парень – мастер спорта, не бобер начхал. Она лихо гоняла на тонированной «девятке», презирая ограничения скорости, крыла матом зазевавшихся куриц на кредитных «Пежо» и умела заболтать любого гаишника. В своих собственных глазах она была крута.

Как вдруг появляется не молодая и не слишком симпатич-

ная баба в драной футболке. И все Риткины достоинства для нее – пшик.

Она сообщила, что в машинах всегда пристегивается ремнем безопасности. А поскольку ни один ремень в Риткиной машине не был исправен, гримза отправилась пешком, чем оскорбила Риту как водителя.

Она говорила с Олегом о книгах, которые Рита не читала, и о музыке, которую Рита не слушала. Но когда Сысоева принудила себя и осилила Пауло Коэльо, чтобы не ударить в грязь лицом, обсуждения не получилось. Стоило ей заикнуться про «Алхимика», Галка отрезала, что Коэльо – плагиатор.

Как в душу плюнула.

И так на каждом шагу.

Чем ближе к свадьбе, тем чаще Рита думала: хорошо бы, если б Галя Исаева просто взяла – и исчезла. Нет-нет, не умерла. Всего лишь растворилась в окружающем пространстве.

Понемногу эти размышления приобрели более конкретную направленность. Если произойдет что-то из ряда вон выходящее, думала Рита, что заставит Галину отменить свадьбу... Передумать! Ведь случается такое? На каждом шагу! Девушки разрывают помолвки, убегают из-под венца.

Этот ход мысли и привел ее к идее пригласить Кристину.
– Предлагаю тост! – Воспользовавшись паузой, Рита встала. – За старую дружбу, которая не ржавеет!

– Дружба – это единение родственных душ! – с энтузиазмом подтвердила Алевтина, жена дяди Гриши.

– Какие, к лешему, души, – проворчал Григорий. – Кто займет до получки, тот и дружбан.

– Когда это у тебя в последний раз была получка? – подняла Алевтина нарисованные брови.

Нина Борисовна торопливо вмешалась:

– Тост же!

– За дружбу! – подтвердила Рита и выразительно глянула на подругу.

Кристина совершенно непредсказуема. Казалось бы, обговорили все тысячу раз. По репликам отрепетировали. Но стоило появиться новым людям, и все пошло насмарку.

С настроя ее сбил парень, приехавший вместе с подружкой невесты. Вообще-то он был совсем не в Криськином вкусе. Не высокий, не качок, цепь золотую на бычьей шее не покручивает эдак небрежно одним пальцем, ухмылочки кривые не посылает. Да и прикатил не на черном джипе, а на такси. Худощавый, взъерошенный, не особо приметный. Всей красоты – одни глаза: серые, ясные.

Но Кристина заинтересовалась. И вместо того чтобы действовать по плану, принялась очаровывать гостя с обходительностью парового катка.

Однако тут ей ничего не светило. Это Рита сразу поняла, едва рассмотрела подружку Галки. У них в Шавлове таких женщин не водилось. Они появлялись изредка на экране те-

левизора, говорили на певучих языках и так отчетливо принадлежали *этому* миру, что воспринимались эфемерными существами. В глубине души Рита подозревала, что они материализуются только для какого-нибудь фильма.

С точки зрения среднего шавловца ничего выдающегося в женщине по имени Саша не было. Средний шавловец любил женщину низкорослую, крепкую, кудрявую, и чтобы спереди и сзади была обильна телом. Лучшим комплиментом считалась «грудастая». Сама Ритка была как раз из таких и среди шавловских юношей неизменно пользовалась успехом.

Но, увидев гостью, она почувствовала себя барабаном рядом с флейтой. На несколько минут ее охватила острая зависть. И плевать, что оркестру именно барабаны и требовались.

Криська, дурочка, синеглазую флейту сбросила со счетов сразу же. Бюст есть? Губы над бюстом растут? Нет? Ну и освободите место, гражданочка. Она вилась вокруг сероглазого парня с дурацким именем Макар, улыбалась многозначительно и ресницами его обмахивала заботливо. Флейта бледнела и, кажется, переживала, хотя Рита не понимала, о чем она волнуется.

Однако услышав кодовое слово «дружба», Кристина вспомнила о долге. Она обернулась к жениху, обожгла взглядом.

– Олежек, а помнишь, как мы с тобой нагишом купались? Пару лет назад? Дураки были!

Подмигнула и тряхнула копной белых русалочьих волос.
– Нагишом? – переспросила Галина.

Кристина выбрала совершенно верную стратегию: она молча улыбнулась.

Саша давно взяла на вооружение: не хочешь отвечать – молча улыбайся. По правде говоря, язык так и чесался что-нибудь брякнуть в ответ. А вот Кристина улыбалась непринужденно и явно не собиралась развивать мысль.

Мяч, таким образом, оказался на стороне Олега Сысоева.

Едва они познакомились, Саша поняла, что ей по душе этот парень. Долговязый, носатый, с застенчивой улыбкой, он был немногословен, но одним своим присутствием вносил в происходящее ноту безмятежности.

Он был сантехником и год назад пришел чинить унитаз к Галкиной подруге, у которой в это время гостила Исаева. Увидел Галю – и пропал: стоял с открытым ртом и вид имел чрезвычайно глупый.

Исаевой было не до повелителя унитазов. Она пыталась передвинуть шкаф, за которым застряла и громко орала хозяйская кошка. Хозяйка ушла на весь день по делам, подлое животное надрывалось все громче, унитаз тек, и Галка чувствовала, что еще немного – и она заплачет. Все, совершенно все было плохо в Шавлове, старая дружба при встрече куда-то исчезла, и остались две чужие друг другу женщины. Надо было уезжать. Галка уже придумала годный повод, собрала вещи, написала извиняющуюся записку – и тут глупая

кошка свалилась за книжный шкаф.

Молчаливый парень в клетчатой рубашке попросил ее отойти в сторону. После чего с поразительной легкостью сдвинул шкаф, поднял перепуганную персидскую кошачью женщину и погладил между ушей. Персидская женщина в благодарность за спасение съездила ему по руке растопыренными когтями. «Ах ты дурында», – ласково сказал сантехник.

Больше всего Галку поразила именно его реакция. Все знакомые ей мужчины отвесили бы неблагодарной скотине хорошего пинка. Нелепо стриженный парень в клетчатой рубашке, смешно красневший и боявшийся поднять на нее глаза, осторожно перенес кошку на диван, приговаривая, что теперь-то уж точно все в порядке.

Галка ощутила противоестественное желание тоже забиться за шкаф, чтобы ее вытащили и успокоили. О чем с присущей ей прямоотой и сообщила сантехнику.

Тот поднял на нее глаза.

«В-вы не можете за шкафом, – проговорил он, заикаясь. – Вы принцесса. Принцессы за шкафами не прячутся».

Она – принцесса?! Галка посмотрела на себя в зеркало. Там отражалась лошадь тягловая, одна штука.

– У вас очень качественные розовые очки, – сухо сказала она, подозревая издевку.

Парень в клетчатой рубашке молча смотрел на нее. Потом смущенно улыбнулся и пошел чинить унитаз.

В тот же день Галя съехала от подружки и остановилась в единственной шавловской гостинице.

Вечером в дверь постучали. За дверью стоял сантехник. С волос у него капала вода, а в руках был пучок водяных лилий. Тонкие стебли не держали распустившиеся цветки.

– Куда же я их поставлю? – обескураженно спросила Галка. Прозвучало насмешливо и вызывающе, как всегда, когда она терялась.

Парень потоптался молча и исчез, сунув ей лилии. Спустя пять минут, когда она уже думала, что на этом все закончилось, он вернулся. В руках его сиял эмалированный таз.

Галя начала смеяться. Случалось, ей дарили цветы в вазе, но никогда еще не приходилось получать в подарок целый тазик. Парень налил воды, запустил лилии, поставил посреди комнаты. Тоскливый номер провинциального отеля превратился в берег пруда, где плавали дивной красоты снежные цветы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.